

0264

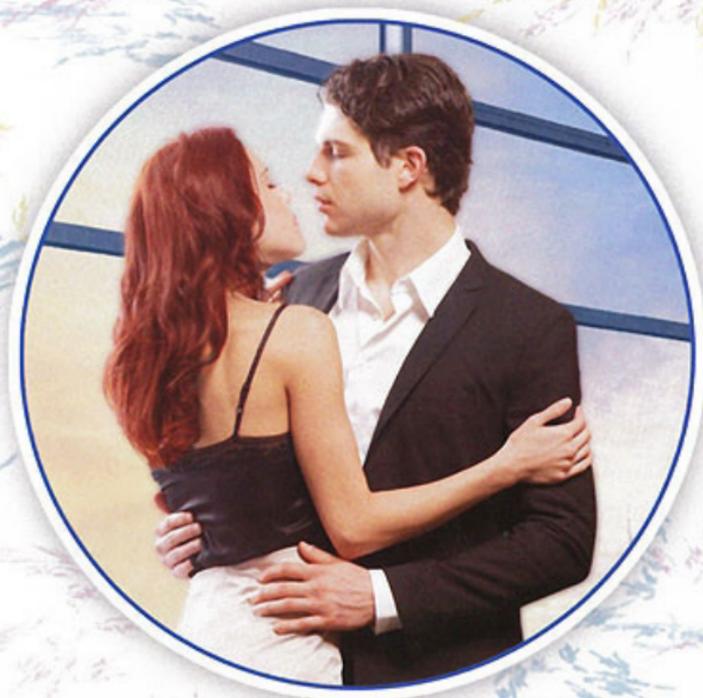

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Ким Лоренс

СДЕЛАЙ МЕНЯ
СЧАСТЛИВЫМ

Подари себе лету

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ким Лоренс
Сделай меня счастливым
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 264

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4570256

Сделай меня счастливым: роман: ЗАО Издательство Центрполиграф;

Москва; 2012

ISBN 978-5-227-03895-1

Аннотация

Рафаэль Александро идеально распланировал свою жизнь, в ней не было места неожиданностям... Пока он не встретил привлекательную и непредсказуемую Либби Маршант. Сперва по ее вине он попадает в аварию, затем нарушает собственное правило – никаких романов в офисе!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ким Лоренс

Сделай меня счастливым

Глава 1

Телефон Либби зазвонил, когда она выезжала из авто сервиса. Она припарковалась на ближайшем свободном месте и схватила трубку:

– Мам?

– Я похожа на твою маму?

– Хлоя?

– Либби, дорогая, я хотела спросить: ты поедешь домой с работы через деревню?

– Вообще-то я не на работе. Я только еду из аэропорта.

Последовала пауза, прежде чем ее подруга застонала и добавила:

– Боже, конечно же! Прости, я совсем забыла.

В последнее время все много о чем забывали.

– Ты не видела маму и папу на этой неделе, Хлоя?

– А ты разве нет? Я думала, что они встретят тебя в аэропорту.

– Они должны были, – призналась Либби, – но они не приехали, и я никак не могу им дозвониться... Мне пришлось взять машину напрокат. – Она замолчала и покачала голо-

вой, хмурясь. – Это на них не похоже, но наверняка есть какое-то совсем простое объяснение? – добавила она, но не смогла скрыть тревогу в голосе.

– Конечно, – успокаивающе ответила Хлоя. – И скорая помощь, и сердечные приступы совершенно не имеют к этому никакого отношения. И твой папа в полном порядке. И не говори, что ты не это имела в виду. Я знаю, о чем ты думаешь.

Прежде чем Либби смогла ответить, в трубке раздался громкий звонок, и она не смогла не улыбнуться.

– Почему никто не предупредил меня, что материнство превращает мозг в кашу? – пожаловалась ее подруга.

Либби сочувствующе улыбнулась:

– Ты звучишь очень устало.

– Я не спала всю ночь, – призналась Хлоя, снова зевая.

– Как моя крестница?

– У нее режутся зубки, или болит животик, или что-то еще. Я только что уложила ее спать. Как прошла поездка?

– Фантастически.

– Сьюзи познакомила тебя с каким-нибудь американским красавчиком?

– Разумеется.

На другом конце трубки раздался радостный вопль.

– Расскажи мне все.

– Нечего рассказывать, он был мил, но...

Хлоя застонала.

– Позволь я угадаю, он не в твоём вкусе. Кто-нибудь вообще бывает в твоём вкусе, Либби? С твоей внешностью ты можешь получить любого, хоть по одному на каждый день недели!

– Ты хочешь сказать, что я выгляжу дешево и вульгарно?

– Ты выглядишь так же дешево, как элитное выдержанное шампанское, вот почему ты отпугиваешь половину мужчин – слишком много класса.

– Интересная теория, но давай о другом... Что ты хотела, чтобы я сделала в деревне? – спросила Либби, несмотря на свое желание попасть домой.

Что бы ни случилось, лишние пять минут ничего не изменят.

– Да нет, ничего.

После недолгих препираний Хлоя рассказала, что хотела попросить Либби забрать от ветеринара Юстаса – их лабрадора, который вечно попадал в неприятности. На этот раз он выбежал за ворота и запутался в колючей проволоке.

Через час Либби уже увидела на горизонте деревню. Дождь, из-за которого езда по шоссе превратилась в настоящий кошмар, прекратился, но лужи на узкой проселочной дороге были размером с небольшие озера. И когда Либби, наконец, довела лабрадора до машины, ее туфли были перемазаны грязью, а ноги промокли.

Либби искала ключи, чтобы открыть дверь машины, когда ее каблук попал на кусок грязи. Она пошатнулась, но в

попытке сохранить равновесие отпустила поводок.

– Ну, отлично! – пробормотала она, приближаясь к псу, который сидел в нескольких футах от нее, явно очень довольный собой. – Будь хорошим мальчиком, Юстас, – попросила она, медленно двигаясь в сторону собаки с вытянутой рукой. – Просто сиди на месте, вот...

Поводок был всего в дюйме от ее пальцев, когда собака снова сорвалась с места и побежала прочь, оглашая округу радостным лаем.

Либби закрыла глаза и застонала.

– Поверить не могу! – проговорила она и поспешила за псом.

Когда она, наконец, догнала убегающее животное, она задышалась. Пес сидел посреди дороги, виляя хвостом и глядя Либби в глаза.

– Рада, что хоть кому-то весело, – пробормотала Либби, наклоняясь и ставя руки на бедра. – Боже, я просто в ужасной форме.

Убрав выбившиеся пряди волос со лба, она выпрямилась и сделала шаг навстречу псу. Он гавкнул и отпрыгнул назад.

Либби прикусила губу и уставилась на собаку.

– Не может быть, чтобы меня обхитрил пес, которого даже собственные хозяева считают не слишком умным!

«Теперь ты говоришь с собакой. Если он тебе ответит, то можно бить тревогу».

Внутренний диалог резко прервался, когда внимание де-

вушки привлек звук мотора. Единственный транспорт, появляющийся на этих дорогах, – это трактор, но раздающиеся звуки совсем не были похожи на него.

Это и не был трактор.

Обычно в таких ситуациях человек не запоминает точную последовательность событий. В одно мгновение Либби смотрела на сверкающую черную машину, которая на огромной скорости неслась прямо на Юстаса, который почему-то решил, что это лишь продолжение игры, а в следующее мгновение она уже стояла посреди дороги и махала руками, видимо, в тот момент она сочла эту идею удачной.

* * *

Когда объезд пробки на главном шоссе привел Рафаэля на узкую проселочную дорогу, он ничуть не смутился. И ему даже в голову не пришло свериться со встроенной системой навигации или картой в бардачке. Он просто положился на свое врожденное чувство ориентира. И зеленые дороги Англии были гораздо безопаснее многих путей, которые он выбирал в своей жизни.

Рафаэль вспомнил, как в семнадцать лет один отправился в путешествие по горным равнинам Патагонии в своем стареньком джипе, который ломался через равные промежутки времени, пока, наконец, его не смыло. Кто же знал, что дорога, по которой он ехал, окажется высохшим руслом реки?

Воспоминания о том, как он сумел открыть заевшую дверь и выскочить в бурлящий поток за секунду до того, как джип унесло вниз с горы, заставило Рафаэля широко улыбнуться.

Выражение его лица снова стало серьезным, когда в груди кольнуло что-то, похожее на зависть.

Зависть?

Или недовольство?

Рафаэль нахмурился. Для человека, который имел так много, не подходил ни один из двух вариантов. Наверное, столь несвойственное ему настроение было связано со вчерашней встречей.

Встречей, которая не была так уж необходима, и Рафаэлю вообще не следовало видеться с этим мужчиной. Но он почему-то решил, что даже такой беспомощный и чудовищно некомпетентный человек, как Маршант, заслуживал объяснений о том, как близок он был к потере своего бизнеса и своего дома. Рафаэль не ждал, что разговор окажется приятным, и был прав! Всегда больно видеть, как ломается человек, пусть даже такой идиот. Хотя Рафаэль и счел подобное проявление слабости совершенно безвкусным и недостойным англичанина.

Уходя, мужчина прокричал ему вслед:

– Если бы вы были моим сыном...

Рафаэль резко перебил его:

– Если бы я был вашим сыном, я бы отправил вас на пенсию до того, как вы обанкротили фирму и потеряли семей-

ный дом.

– Надеюсь, что однажды вы потеряете все, что любите, и я очень надеюсь, что смогу это увидеть!

Рафаэль давно потерял единственную вещь, которую любил, и боль от этой потери стала уже просто воспоминанием. Он не собирался позволять себе повторить тот опыт; в его жизни не было никого и ничего, что бы он любил. Он мог завтра потерять все деньги, которые заработал, и ему не стало бы больно, в какой-то степени он даже обрадовался бы подобному вызову.

К тридцати годам он добился всего, что планировал, и даже больше. Только куда двигаться дальше?

Рафаэль понимал, что главная проблема – сохранить мотивацию. Его финансовый успех выходил за границы мечтаний многих людей. Легкая насмешливая улыбка тронула уголки его губ. Он вел сладкую жизнь – настолько сладкую, что завидовал тому мальчику, которым когда-то был, мальчику, который бедно жил и полагался только на свою смекалку и хитрость.

«Может, существует такое понятие, как слишком большой успех, – усмехнулся Рафаэль, переключая скорость, чтобы справиться с еще одним крутым поворотом. – Тогда что же может сделать тебя счастливым, Рафаэль Александро?»

Вместо ответа с его губ сорвалось проклятие, когда на дороге выбежала женщина.

Она как будто материализовалась из ниоткуда и долю се-

кунды просто стояла в свете фар, словно привидение.

Рафаэль сумел заметить бледное лицо и копну темно-рыжих волос, на все остальное ему не хватило времени. Он был слишком занят тем, что старался не включить убийство в список своих грехов, хотя это казалось неизбежным.

Никогда еще в жизни Рафаэль не принимал неизбежное.

Он был награжден почти кошачьими рефлексами и холодной головой. И удачей, разумеется. Никогда нельзя недооценивать удачу, и, увидев перед собой дерево, Рафаэль задумался, не покинула ли она его.

Не покинула.

Несмотря ни на что, он смог увернуть машину от суицидальной рыжеволосой женщины, не врезаться в дерево и остаться целым. И сколько бы раз потом он ни старался вспомнить подробности этой аварии, он так и не понял, как ему это удалось.

На самом деле он мог бы выйти из этой аварии без единой царапины, если бы колесо не попало на кусок грязи, из-за чего машина развернулась на триста шестьдесят градусов и съехала в канаву. Ремень безопасности не смог справиться с инерционным движением, и Рафаэль ударился головой о ветровое стекло.

Перед закрытыми глазами появились звезды, и Рафаэль услышал голоса, нет, один голос, женский, привлекательный.

Голос умолял его быть живым. Может, он был мертв?

Боль в голове говорила об обратном, и голос был слишком сексуальным и низким, чтобы принадлежать ангелу. Подумав о том, насколько великолепен голос, Рафаэль переключился на более важные вещи, такие как проверка, был он цел и все ли части его тела работали.

Он проверил конечности. Все было на месте и работало. Это хорошо. Но в голове кто-то играл на барабанах. Это уже не так хорошо.

Чья-то рука стала аккуратно приподнимать его голову, и голос, тот самый, который принадлежал не ангелу, прошептал:

– Слава богу!

Он моргнул. Это действие отозвалось острой болью в голове. Морщась, он прижал руку ко лбу и стал медленно поворачивать голову на голос. С трудом он разлепил тяжелые веки и увидел бледное лицо сквозь растопыренные пальцы. Продолжая прижимать руку ко лбу, он снова моргнул, и предметы стали обретать форму. Ореол каштановых волос показался смутно знакомым, а потом и вся женщина приняла ясные очертания.

Это была та суицидальная маньячка, из-за которой все произошло.

Вблизи она оказалась молодой, красивой, его придирчивый взгляд не смог найти погрешностей в ее чертах лица. Но к сожалению, она была рыжей.

Отношение Рафаэля к рыжеволосым женщинам форми-

ровалось постепенно, закрепившись после одного инцидента с женщиной, с которой он встречался, и бокала вина, который оказался на его брюках, потому что он не посвящал ей все свое внимание. Несмотря на всю свою притягательность, рыжеволосых женщин слишком тяжело терпеть.

И хотя Рафаэль решил, что глаза от природы не могут быть такого глубокого голубого цвета, он почувствовал, как его захлестнула волна желания, доказывая, прежде всего, что он жив и что неприязнь к рыжеволосым женщинам коснулась не всех частей его тела.

Все снова поплыло, и он закрыл глаза, переживая приступ головокружения. Очевидно, эти симптомы, наряду с волной тестостерона, были вызваны травмой головы, и они скоро пройдут.

Он открыл глаза и увидел, что женщина еще дальше залезла в машину.

Цвет ее волос напомнил об осенних листьях. Головокружение прошло, уступив место совершенно неуместному желанию провести языком по ее губам.

Даже несмотря на то, что его мозг работал только на пятьдесят процентов, Рафаэль всерьез задумался над тем, чтобы подчиниться этому импульсу, но, боже, этот рот!

Уже давно никакое лицо не вызывало в нем таких примитивных чувств. Часть его презирала их – Рафаэль любил контролировать каждый аспект своей жизни, а другая часть предложила расслабиться и насладиться моментом.

Глава 2

Скажите, как вы?

Даже несмотря на то, что ему нравился ее запах, Рафаэль не мог не отметить, что вопрос звучал невероятно глупо!

Рыжая и глупая, не говоря уже о склонности к суициду. В голове снова промелькнуло воспоминание о том, как она стояла посреди дороги, словно жертвенная дева, ожидая, когда его машина собьет ее.

– Что-нибудь болит? – спросила Либби, чуть шире открывая дверь.

Наклонившись вперед, она осмотрела машину, ища, куда можно положить свой сотовый телефон. Она приподняла юбку, чтобы упереться коленом в сиденье, и положила телефон на приборную панель.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Она скрестила пальцы за спиной и мысленно попросила: «Пожалуйста, не делайте меня лгуньей!»

Взгляд Рафаэля замер на ее чулках. В данный момент он чувствовал себя как угодно, но только не хорошо.

– Если у меня и все хорошо, то явно не благодаря вам.

Либби была слишком поражена, когда он заговорил, чтобы сразу определить привлекательный акцент его враждебного голоса, хотя даже враждебность была очень притягательна, когда звучала таким голосом... глубокое богатое

мурчание, от которого волосы на руках вставали дыбом.

– Я понимаю, что вам в деревне надо как-то развлекаться, но бросаться под колеса машин немного слишком экстремально.

В любой другой ситуации Либби не смогла бы не ответить на сарказм и грубость, но, учитывая, что она чуть не убила этого мужчину, она сочла нужным промолчать.

Все еще держась за голову, Рафаэль попробовал pokrutyть плечами, но тут же выругался, когда ушибленные мышцы запротестовали.

– Что вы пытались сделать? Привлечь мое внимание? Или это какой-то особый местный ритуал поиска партнера?

«Укуси меня», – подумала Либби, когда ее внутреннее облегчение сменилось возмущением. Стараясь сохранить самообладание под этим шквалом обвинений, она пробормотала извинение:

– Я правда не хотела, чтобы так произошло...

Сейчас все попытки оправдаться казались глупыми.

«Что же я скажу Хлое?»

Она мысленно перечислила свои достижения: чуть не убила человека, разбила его машину и потеряла любимого питомца подруги. Трудно добавить что-то еще, но кто знает?

– Мне так... так жаль, – сказала она искренне.

– О, тогда все в порядке.

Либби покраснела в ответ на саркастичное замечание, а ее жертва тем временем, все еще прижимая руку ко лбу, на-

клонилась вперед, чтобы отстегнуть ремень безопасности, и она увидела его широкие плечи и блестящие черные волосы.

Она перевела взгляд с вьющихся волос на затылке на кровавое пятно на стекле. И оно напомнило девушке, что она сейчас была в роли злобного хищника, а он – невинной жертвы. Бормоча себе под нос, она потянулась за телефоном:

– Скорая... я позвоню.

«Лучше поздно, чем никогда, Либби».

Мужчина отстегнул ремень и повернулся к ней. Слова, которые она как раз собиралась сказать, прервались невольным вздохом, но не потому, что мужчина был ранен, к этому она была готова, а потому, что он был... Он был красив!

От изгиба его невероятно длинных ресниц до плавной линии скул, властного носа и сексуальных губ он был великолепен, и его животная сексуальность заставляла ее просто тарашиться на него.

Прошло несколько секунд, прежде чем Либби заметила кровотокающий порез на широком лбу, идущий от правой брови до линии волос, и бледность под поверхностью его смуглой кожи.

«Возьми себя в руки, Либби, ты и раньше видела красивых мужчин», – говорил голос у нее в голове. Но не таких красивых. Он был великолепен!

И ему было больно, вовремя напомнила она себе.

Она прикусила губу, опустила глаза и сделала виноватое выражение лица. Давно забытый курс первой помощи явно

не включал пускание слюней, пока жертва несчастного случая истекает кровью!

– Думаю...

Голос Либби сорвался. Она совершенно потеряла ход мыслей, когда раненый мужчина устремил на нее немигающий взгляд глаз цвета корицы.

Она облизала пересохшие губы кончиком языка и сделала вторую попытку:

– Ваша голова.

Незнакомец поднял руку ко лбу. Когда он дотронулся до раны, он даже не вздрогнул, в отличие от Либби. Он убрал руку, без всякого интереса посмотрел на кровь на своих пальцах и вытер их об рубашку.

Либби, уставившаяся на красное пятно, не смогла не заметить, как широка его грудь.

– Не паникуйте.

Изо всех сил стараясь следовать собственному совету, она стала набирать номер экстренной помощи. Палец замер на кнопке набора, когда она поняла, что длинные коричневые пальцы схватили ее за запястье. Скорость его действий была потрясающая, но не настолько, как эффект от его короткого прикосновения.

– Мне не требуется скорая помощь.

Это утверждение не предполагало никаких возражений.

У Либби складывалось впечатление, что он нечасто ввязывался в споры. Приказы? Да, она легко могла представить,

как он раздает их направо и налево. Даже после страшной аварии он сохранил свое надменное поведение, которое свидетельствовало о том, что он не привык к оспариванию своих решений.

А взгляд его глаз, обрамленных черными ресницами, был слишком пронизательным, чтобы чувствовать себя комфортно... казалось, что он знал, как отчаянно она старается не смотреть на его сексуальный рот.

Либби отбросила эти странные мысли, списав их на чувство вины. Он не мог читать ее мысли, хотя его глаза напоминали глаза коварного хищника в джунглях.

– В каком состоянии машина?

Либби изумленно наблюдала за тем, как он смотрит на часы. Ей казалось, что у этого мужчины определенно есть проблемы с расстановкой приоритетов.

– Я понятия не имею. Я больше волновалась о вашем состоянии.

Его лицо перекосило от нетерпения.

– Как видите, я в порядке, цел.

Либби смотрела много сериалов про больницу и знала, что люди, которые выглядели совершенно здоровыми и целыми, как правило, имели привычку умирать от обширного внутреннего кровотечения.

– Где мы находимся?

Либби сникла. Судя по всему, ее беспокойство было оправданно.

– Вы помните, что произошло? – медленно спросила она.
А что, если у него амнезия?

– Вы помните свое имя?

– Я не глухой и не идиот.

Молчаливое продолжение «в отличие от вас» ясно читалось в его многозначительном взгляде. Он посмотрел в окно, но увидел только травянистый берег.

– Мне требуется название места, чтобы я мог организовать другой транспорт.

Его личный ассистент ехала на встречу на собственной машине, и она сможет забрать его отсюда.

– А...

Она погрузилась в неловкое молчание, в то время как он достал телефон из кармана.

– Нет сигнала.

Наконец хоть что-то, в чем она не была виновата!

– И что я могу с этим поделать? – спросила она, но тут же смягчила слишком резкий ответ примирительным беспокойством. – У вас может быть сотрясение.

Она могла бы упомянуть целый спектр других возможных повреждений, но не хотела его пугать, хотя он не производил впечатления человека, способного испугаться пары сломанных костей.

– Сотрясение... – Он молча поразмыслил над этой возможностью и добавил: – Не в первый раз.

– Тогда это многое объясняет, – пробормотала Либби. За-

метив, как он прищурился, она невинно добавила: – Думаю, вам не стоит двигаться.

У рыжеволосой был еще и острый язычок в дополнение к потрясающему рту. Раздражение, которое Рафаэль не пытался скрыть, было в некоторой степени направлено на него самого, потому что он никак не мог справиться с сексуальным голодом, мучившим его тело.

Опыт говорил Рафаэлю, что для выживания человек должен научиться контролировать свои желания, а не впадать в зависимость от них.

– Как я сказал, мне не требуется медицинская помощь.

– Вы можете умереть.

– Вижу, вам подобная мысль нравится.

Либби покраснела и запротестовала:

– Конечно же нет! Я пытаюсь помочь!

Безрезультатно, потому что он, очевидно, никогда никого не слушал.

– Я буду чувствовать себя в гораздо большей безопасности, если вы не станете этого делать.

– Я же сказала, что мне жаль, и это действительно так, но в данных обстоятельствах, думаю, черт!

Либби бросила раздраженный взгляд на свою юбку, которая зацепилась за рычаг переключения скоростей. Ей пришлось еще больше наклониться вперед, чтобы освободить материал.

– Позвольте мне...

Его пальцы коснулись ее, и Либби отдернула руку, словно от огня. Она чувствовала, что он смотрит на нее, но она не подняла голову.

– Я справлюсь. Мы должны... – она с облегчением вздохнула, когда юбка, наконец, освободилась, – быть осторожны.

– Мы, – повторил он. Его внимание было приковано к ее шее. До этого Рафаэль никогда не считал эту часть женского тела сексуально привлекательной.

– Именно, – произнесла она с холодной улыбкой, из-за которой в юности ее прозвали ледяной девушкой. – Тем не менее это вы истекаете кровью. – Вы сильный, я поняла, настоящий железный человек, я впечатлена, поверьте, – продолжила она, ослепительно и фальшиво улыбаясь ему, – но я не могу смотреть на то, как кто-то истекает кровью. Даже такой, как... – Либби заметила искру удивления в его глазах и резко замолчала.

– Такой как?..

Либби покачала головой и прерывисто вздохнула, когда он неожиданно протянул руку и взял ее за подбородок.

Она была слишком поражена его реакцией, чтобы заметить, как он притянул ее лицо к себе. Он был так близко, что она видела золотые кончики ресниц и чувствовала его теплое дыхание.

Не обращая внимания на голос разума, он взял ее голову двумя руками и посмотрел на то, как исчезает голубая радужка глаз под расширяющимися зрачками.

Он пробормотал что-то себе под нос, и его взгляд опустился на ее губы.

– Вам больно!

– Как вы правы.

Либби старалась вырваться из странного летаргического состояния, которое внезапно овладело ею, когда конечности, казалось, ее совсем не слушались.

– Позвольте мне вызвать помощь.

Она стала отстраняться.

– У вас красивый рот.

Либби замерла и неожиданно подумала: «У вас тоже».

Он нахмурился.

– Как вас зовут?

Во рту все пересохло, и она едва смогла прошептать «Либби».

Она где-то читала, что травма головы может заставить человека вести себя очень странно. «А у тебя какое оправдание, Либби?»

– Либби?

Она кивнула, с трудом узнавая свое имя в его произношении, и, наконец, определила, что акцент был испанским.

– Послушайте, это глупо...

Его губы приблизились, но еще не касались ее.

«Что ты делаешь, Рафаэль?»

Возможно, он бы отреагировал на последнюю попытку разума остановить его, если бы в этот самый момент она

не вздохнула и не прижалась к нему своими губами. Через мгновение она дернулась и оторвалась от него, но ущерб уже был нанесен.

Она покраснела:

– Это было так...

– Неплохо, – продолжил он низким голосом, – но я думаю, что мы можем лучше.

Он припал к ее дрожащим губам, она застонала, когда он провел языком по внутренней стороне ее нижней губы.

Либби резко подалась назад, вылезла из машины и поспешно сбежала.

Глава 3

Либби стояла, прижимая руку ко рту, когда осознание того, что она сделала, накрыло ее. Это она уже не могла списать на смену часовых поясов; она потеряла контроль с незнакомцем, с мужчиной, чьего имени даже не знала. Что же овладело ею?

Ответ на ее вопрос как раз вылезал из останков первой-классной машины. Его движения никак не говорили о том, что этот человек только что пережил серьезную аварию, или о том, что он только что страстно целовал ее.

Он выглядел... Беззвучный вздох прорвался между стиснутыми зубами.

Постыдные воспоминания снова пронеслись в голове. На мгновение она снова почувствовала его губы и его дыхание. Либби сжала зубы, стараясь не вспоминать выражение его сексуальных глаз.

Колени дрожали, а дыхание превратилось в серию прерывистых болезненных вздохов, когда она исподлобья наблюдала за тем, как он вышел из машины и потянулся. Идеально сшитый костюм, как и его испанский владелец, был великолепен, и она не просто искала оправдание!

Она сглотнула. Еще в машине она заметила, что он прекрасно сложен, но только сейчас поняла, насколько обескураживающе великолепен он был.

Выше шести футов, с атлетически сложенной фигурой, стройностью и мускулатурой гончей, широкими плечами, длинными ногами и узкими бедрами.

Она продолжала наблюдать за тем, как он обошел машину, изучая повреждения, из-за которых почти каждый мужчина стал бы выть и ругаться самыми последними словами, но его лицо оставалось невозмутимым. Либби почувствовала, как внутри все сжалось.

Она никогда не могла подумать, что может перестать дышать только от того, как двигается мужчина, пусть даже с грацией и надменностью пантеры.

Ее непроизвольная симпатия сменилась возмущением, когда он стал нажимать кнопки на телефоне. Он даже не взглянул в ее сторону!

Она вся дрожала, а он вел себя так, будто ничего не случилось. И ей хотелось уйти или убежать и забыть об этом происшествии.

С другой стороны, это произошло – он поцеловал ее. Разумеется, это не предложение руки и сердца, но вести себя как ни в чем не бывало... Это дурные манеры.

А она ненавидела дурные манеры. Он не перевернул ее мир с ног на голову, и скоро она перестанет дрожать, но проявление раскаяния или благодарности было бы очень кстати.

– Как называется это место? – спросил он, не поднимая головы.

Либби с неприязнью посмотрела на его затылок. Она тоже

может быть холодной.

– У вас уже появился сигнал?

Он снизошел до взгляда на нее:

– Да.

Он вопросительно поднял бровь.

– Бакфорд, – рявкнула Либби.

– Бакфорд... – повторил Рафаэль, думая, почему название какой-то деревни неизвестно где казалось ему знакомым.

Он вернулся к своему сообщению, а Либби продолжала смотреть на него, злясь все больше и больше. Сжав челюсть, она пошла вверх по холму.

Через несколько секунд Рафаэль получил ответ от Гретен, которая заверила его, что придет меньше чем через десять минут. Удовлетворенный ответом, он поднял голову и увидел, как Либби, скользя по мокрой грязи, карабкается наверх.

Свежий воздух помог ему окончательно прийти в себя, и он уже пожалел о своем импульсивном поступке.

По дороге Либби подвернула ногу и скорчилась от боли, когда комочки грязи попали внутрь ее очаровательных новых туфелек. Отбросив волосы с лица, она выпрямилась. Даже не оборачиваясь, она знала, что он смотрит на нее, физически ощущала его взгляд на себе.

– То, что произошло, непростительно, даже несмотря на то, что у вас сотрясение, – холодно заявила она.

– У меня нет сотрясения.

«Просто ужасно болит голова, но пара таблеток аспирина с ней справятся».

– Хотя я смущен.

Либби хмыкнула: он «смущен».

– Вы хотите сказать, что мужчина должен повредить голову, чтобы захотеть вас поцеловать?

Либби гневно посмотрела на него:

– Разумеется, нет. К вашему сведению, многие мужчины хотят меня поцеловать.

– В этом я не сомневаюсь.

– Если вы еще раз так сделаете, я... я... Вы пожалеете!

Она увидела, как он пошел в ее сторону, и с трудом поборола желание развернуться и убежать. Он вышел на дорогу, и она моментально потеряла преимущество в росте. Он нависал над ней, и ей приходилось поднимать голову, чтобы смотреть ему в глаза. Да, рост – не самое главное, но в тот момент Либби многое бы отдала за пару лишних дюймов.

– Вы поцеловали меня, – заявила она, бросая обвинение ему в грудь.

– Только после того, как вы поцеловали меня.

Либби задрала голову и посмотрела ему в лицо.

– У меня был шок. Я думала, что вы умерли.

Да, оправдания звучали глупо, но больше ей нечего было сказать.

– Значит, это был поцелуй жизни? – заинтересованно спросил он.

Либби, которая не могла подобрать остроумного ответа и боялась, что он придумает что-то еще более остроумное, просто покачала головой.

– Думаю, нам следует забыть об этом, – благородно заявила она.

Либби собиралась это сделать, хотя вся ситуация напоминала кошмарный сон – один из тех, когда ты оказываешься в супермаркете в нижнем белье.

– Как хотите, хотя я оскорблен, что мои поцелуи так легко забываются. Хотя и по-прежнему твердо верю в поговорку «Навык мастера ставит».

Ее глаза сузились. Еще немного, и она бы упала в обморок.

– Можете практиковаться сколько угодно, но только не со мной.

– Успокойтесь, я занимаюсь сексом только с женщинами в здравом уме.

Но не в последние три месяца, что объясняло его странное импульсивное поведение.

Разумеется, у него были желания, но он всегда умел их контролировать. И последнее, чего он хотел, – это связываться с кем-то, требующим внимания и пытающимся его понять.

К счастью, в мире было много женщин, разделяющих его прагматичное отношение к сексу, которым не нужен был фасад из любви, чтобы наслаждаться близостью.

Либби откинула голову и нахмурилась:

– Вы хотите сказать, что я ненормальная?

– Вы выбежали на дорогу перед моей машиной. О чем это может говорить? – Его глаза потемнели при воспоминании о том моменте, когда он понял, что сейчас собьет ее. – О чем вы думали? Я никак не могу понять, то ли вы лунатичка, то ли просто склонны к самоубийству.

Факт, что она заслуживала эти упреки и его злость, ничуть не помогал ей спокойно выслушать все это.

– Я не выбежала, точнее, выбежала, но только потому, что вы ехали прямо на собаку. И вообще, если бы вы не гнали как идиот, ничего этого не произошло бы.

Он приподнял бровь:

– Значит, это моя вина?

– Не совсем, – примирительно согласилась она.

– А что касается собаки... – Он огляделся вокруг и пожал плечами. – Я не вижу здесь никакой собаки.

Розовые щеки Либби стали красными от злости.

– Вы называете меня лгуньей?

Он усмехнулся:

– Я просто говорю, что не вижу никакой собаки.

– То, что вы не видите чего-то, еще не означает, что этого здесь не было! – возмутилась Либби. Он действительно думает, что собака – это лишь плод ее воображения?

– Ну давайте представим, что собака действительно была.

Либби заскрипела зубами:

– Собака была. Это золотистый лабрадор, откликающийся на кличку Юстас.

Либби решила не добавлять, что обычно, услышав свою кличку, пес бежит в противоположном направлении.

– И где же эта собака сейчас?

Хороший вопрос!

– Кто знает? – призналась Либби. – Он не очень... Он раньше работал со спасателями, и он очень... нервный.

Это звучало лучше, чем правда о том, что он просто был сумасшедшим.

– Если собака плохо себя ведет, то в этом виноват хозяин, а не животное.

– Я ни в чем не виню собаку и вполне готова признать, что авария произошла по моей вине, – заносчиво проговорила она.

Он покачал головой и широко улыбнулся.

– Вас никто не учил ни в коем случае не признавать свою вину?

Либби презрительно фыркнула:

– Нет, меня учили говорить правду и брать на себя ответственность за свои поступки.

– Очень благородно, я впечатлен, – сказал он, хотя выглядел совсем не впечатленным. – Не каждый осознает, что у его поступков есть последствия.

Либби устало посмотрела на него.

– В нашем сутяжническом мире такая болезненная чест-

ность может быть слишком дорогим удовольствием.

Либби поежилась и обхватила себя руками, потирая пробежавшие по рукам мурашки.

– Вы мне угрожаете?

Прежде чем он смог ответить, из-за кустов появилась радостно лающая собака.

– Он достаточно реален для вас? – Либби приподняла бровь и победоносно взглянула на него. – Юстас, хороший мальчик!

Собака продолжала лаять издалека.

Рафаэль наблюдал за ее попытками приблизиться к нему с критической ухмылкой.

– В душе собака по-прежнему осталась волком, это стайное животное, которое должно знать, кто главный.

Либби искоса посмотрела на него и продолжила звать пса.

– Очевидно, это вы.

У этого мужчины на лбу было написано, что он – альфа-самец.

– Мой образ жизни не позволяет мне заводить домашних животных.

Это был образ жизни, который он сам выбрал, жизнь, которая подходила ему. Никакого багажа, никакой ответственности за других.

Однажды он попытался взять на себя ответственность и не справился, и вина за то, что он подвел человека, за которого был в ответе, оставалась с ним долгие годы.

Он подвел единственного человека, которого любил.

И для Рафаэля было не важно, что большинство считало обязанностью матери заботиться о безопасности сына, а не наоборот. Его мать была одной из тех хрупких душ, потрешанных неприятием и жаждой одобрения любого мужчины, который появлялся в ее жизни; и она была готова завоевывать его одобрение любыми способами, даже если для этого надо было бросить сына с кем-нибудь, кто готов был о нем позаботиться.

Она всегда возвращалась с чувством вины, говорила, что он единственный мужчина в ее жизни, и какое-то время все шло хорошо, но потом всегда появлялся новый мужчина. И однажды она не вернулась. Рафаэль отправился на ее поиски, но опоздал.

Она умерла в одиночестве в каком-то далеком селе, в котором даже не было чистой воды, не говоря уже о докторе. И Рафаэль в то время даже не смог позволить себе купить надгробный камень.

В то время ему было пятнадцать, и он копил на надгробие два года. Сейчас в деревне была чистая вода, а в прошлом году он заложил первый камень клиники.

– Но это не мешает вам быть экспертом, – протянула Либби. – Почему я не удивлена? Чтобы вы знали, с Юстасом плохо обращались. Ему нужны нежность, забота и любовь, а не запугивание, и он...

Только войдя во вкус своей речи, Либби остановилась, по-

тому что напряжение, исходившее от него, наконец, достигло ее. Она посмотрела на него:

– Вы в порядке? Голова?

Нет, физическая боль не могла объяснить те ужасные страдания, которые отражались в его глазах.

Рафаэль взглянул в небесно-голубые глаза и почувствовал странное желание ударить ее за то, что она увидела больше, чем должна была.

– Моя голова в порядке, – сказал он, делая шаг вперед, но мысленно он сделал несколько шагов назад, отталкивая мрачные воспоминания и фокусируясь на ложбинке между ее грудей, которую открывал вырез на свитере. – Итак, вы разбираетесь в животных.

Либби проследила направление его взгляда и задрожала. А ведь на мгновение она решила, что он не поверхностный человек! Она с отвращением фыркнула и отклонилась назад. Она еще сильнее презирала себя за то, что ее тело продолжало реагировать на него без ее согласия.

– Скажем так, я предпочитаю их мужчинам, – улыбнулась она и мысленно добавила «некоторым». И сделала вид, что не услышала его смеха. – А теперь, если позволите...

Она повернулась к нему и сделала жест рукой, словно застегивала рот на молнию.

Рафаэль улыбнулся и наклонил голову.

Либби продолжила уговаривать Юстаса подойти к ней, пока ее терпение не иссякло. Она выпрямилась, что-то про-

бормотала и откинула прядь волос с лица.

– Ладно, если вы такой умный... – Она фыркнула, почему-то надеясь, что у него тоже ничего не получится.

Он шагнул вперед, сказал несколько строгих слов на своем родном языке, и собака, которая неожиданно стала понимать испанский, пошла к нему, словно овечка.

Либби стиснула зубы и мысленно назвала пса предателем, когда тот сел у его ног и завилял хвостом, едва мужчина наклонился, чтобы погладить его по голове и прошептать слова похвалы, а потом поднял поводок с земли.

Либби взяла в руки протянутый поводок и сощурилась.

– Если бы я привела вас домой, моя семья бы вас усыновила.

Она притянула собаку к себе и погладила по голове.

– А разве в этом случае я не буду вашим братом? – усмехнулся он.

– У меня уже есть брат, и я уверена, что у вас есть своя собственная семья.

Может, жена?

Она ужаснулась при этой мысли. Может, она целовала не просто незнакомца, а женатого незнакомца? Посмотрев на его левую руку, она с облегчением отметила отсутствие кольца.

Рафаэль покачал головой:

– Нет, моя мама умерла несколько лет назад. Больше у меня никого нет.

– Это так грустно! – воскликнула Либби.

Глава 4

– Грустно? – Рафаэль приподнял бровь и заметил, как сочувствие исчезло из голубых глаз после того, как он цинично добавил: Я не завидую тому, что вижу в семьях. Лежать.

Собака немедленно перевернулась на спину.

– Юстас! – Либби сердито потянула пса к себе. – Ты иди-от!

– Меня называли и хуже.

– Не вы. – Либби заметила насмешливый блеск в глубоко посаженных глазах и добавила, стараясь скрыть улыбку: – Вы тоже, но сейчас я говорила с собакой.

Губы Рафаэля растянулись в сардонической улыбке, которая тут же исчезла, когда за углом появилась машина.

Поняв, что он больше не обращает на нее внимания, Либби повернулась по направлению его взгляда и увидела ярко-красную классическую спортивную машину с открытым верхом, которая медленно ехала к ним.

Женщина за рулем помахала рукой, когда заметила их, и притормозила.

Рафаэль не махал в ответ, но Либби была уверена, что женщина, которая припарковала машину и грациозно выпрыгнула из нее, была ему знакома.

Либби смотрела на женщину, завидуя ее роскошной фигуре, длинным ногам и умению так хорошо смотреться в

джинсах в обтяжку. Издалека она казалась фантастической, а вблизи оказалась еще более совершенной.

– Ра... о боже, кровь! – воскликнула блондинка, прижимая руку ко рту. – Мне плохо.

Либби тоже было плохо. Каким должен быть мужчина, чтобы целовать женщину, пока его девушка едет спасать его?

– Я бы попросил тебя этого не делать.

Либби получила ответ: такой мужчина, который будет подобным тоном разговаривать со своей девушкой. Она удивилась, заметив, что женщина не только не обиделась на его слова, но и выглядела благодарной.

– Прости, я опоздала. Застряла за трактором. Как думаешь, шрам останется? – спросила она, замороженно глядя на раненое лицо. – Ты прочистил раны? Там может быть грязь.

Чувствуя, что его личный ассистент вот-вот перейдет в режим навязчивого невроза, он ответил таким тоном, который позволил бы замаять ситуацию до того, как она выйдет из-под контроля.

Гретхен была лучшим ассистентом, когда контролировала свой невроз, но когда она теряла самообладание, никто не знал, что может произойти. Например, однажды в полночь ему позвонил уборщик и сообщил, что его ассистент включает и выключает свет в ванной и никак не может выйти из комнаты. Позже Рафаэль понял, что он много раз мог заподозрить неладное, просто он не обращал внимания. И тогда он решил, что лояльность – это улица с двусторонним дви-

жением.

Тогда он отказался принять ее заявление об уходе, которое она протянула ему, заливаясь слезами. Рафаэль сказал, что не может потерять лучшего ассистента, который когда-либо у него работал, только из-за того, что ей требовался час, чтобы помыть руки.

Вместо этого он нашел психолога, пользовавшегося очень хорошей репутацией, и настоял на том, чтобы она стала посещать его. Результат не заставил себя ждать, хотя Гретхен говорила, что она пока еще на пути к выздоровлению.

– Рану промыли, – сказал Рафаэль.

Либби открыла рот, чтобы возразить, но осеклась под его взглядом.

– И ты не опоздала.

Гретхен покачала головой и посмотрела на часы:

– Я сказала, десять минут, а сейчас...

Рафаэль перебил ее:

– И сейчас ты здесь.

– Да. – Она улыбнулась своему боссу и глубоко вздохнула. – Спасибо. Я вызвала эвакуатор, перенесла встречу с русскими и...

Она вскрикнула, когда лабрадор положил на ее ногу перепачканную грязью лапу. Рафаэль раздраженно цыкнул.

– Лежать! – Неодобрительный взгляд, сопровождающий команду, был адресован не собаке, а Либби. – Вы не можете управлять своим животным?

– Вы утверждаете, что нет.

В нескольких футах от них потрясающая высокая блондинка продолжала яростно тереть свои джинсы, по мнению Либби слишком переживая из-за маленького пятнышка. Женщина даже не смотрела в ее сторону, не говоря уже о том, чтобы представиться.

Они подходили друг другу, оба красивые, оба невероятно грубые, и тут Либби поняла – она даже не знала его имени!

– Все нормально, Гретхен, успокойся.

Блондинка посмотрела на его руку на своем плече, потом последний раз потерла невидимое пятнышко грязи и вздохнула:

– Я, правда, не люблю деревню.

– Подожди меня в машине.

Она послушалась.

Его способность внушать беспрекословное повиновение распространялось не только на собак, но и на красивых высоких блондинок.

– Все прыгают, когда вы щелкаете пальцами? – Либби сморщила нос. – Я сказала это вслух, да?

Рафаэль кивнул.

– Ответ на ваш вопрос – нет.

– Вы меня удивляете.

– Да, я обладаю таким эффектом.

Блеск в его глазах заставил постыдное тепло пробежать по ее телу и разгореться между бедер. Либби покраснела, злясь

на свою слабость, из-за которой она так реагировала на него.

– Мне неинтересно. Может, вам стоит удивлять свою девушку.

Его брови приподнялись, когда он заметил ее враждебный взгляд.

– Гретхен – мой личный ассистент, а не моя девушка, и я не мешаю бизнес с удовольствием.

Он замолчал, поняв, что только что нарушил свою старую привычку никогда не оправдываться ни перед кем. Либби пожала плечами, показывая, что ей безразлично, какие отношения связывают его с блондинкой. Понимающий блеск его глаз предполагал, что она была не слишком убедительна.

– Не стоит заставлять свою... – она кивнула в сторону красной машины, – своего личного ассистента ждать.

Он нахмурился и посмотрел на машину.

– Вы правы.

– Не смею вас задерживать. – Она только произнесла эти слова, как тут же воскликнула: – Пойдите!

– Уже скучаете? Я тронут.

Она вытащила из кармана листок бумаги и посмотрела на него:

– У вас есть ручка?

Рафаэль извлек ручку из кармана пиджака и стал наблюдать за тем, как она что-то пишет на бумаге.

– Вот, – проговорила Либби, протягивая ему листок и карандаш.

– Что это? Ваш номер телефона?

– Мое имя и адрес, – ответила она, не реагируя на насмешку. Она посмотрела на разбитую машину. – Вышлите мне счет за ущерб.

Рафаэль взглянул на слова на бумаге.

– Это может быть очень большой счет.

– Я возвращаю долги, – гордо заявила она. – Что-то не так?

Он хмурился:

– Маршант? Вы имеете какое-то отношение к «Маршант пластик»?

– Мой дедушка основал фирму, а сейчас ею руководит мой отец. Я сказала что-то смешное? – спросила она раздраженно. – Что вы делаете?

Он смял бумажку.

– Я имею в виду, я хочу заплатить за ущерб.

– Я не стану высылать вам счет, но не волнуйтесь, у меня отличная память.

Либби смотрела на то, как он идет к машине и садится рядом с красивой блондинкой.

Разумеется, он ни разу не обернулся! Возможно, он уже выбросил ее из своей памяти или, может, сейчас уже рассказывал забавную историю об этом инциденте блондинке. А что, вполне возможно!

Юстас сидел на переднем сиденье, высунув голову из окна, когда Либби ехала в сторону коттеджа, где жила Хлоя.

Поездка заняла немного времени, хоть и больше обычного, потому что посреди дороги Либби остановилась, закрыла лицо руками и простонала:

– Боже, ты хотела его поцеловать! Тебе понравилось!

Либби посмотрела на себя в зеркало, и ей показалось, что стыд был написан на ее лице. Хлоя поймет, что что-то случилось, как только они встретятся, и Либби боялась, что она может рассказать подруге всю правду.

Рука замерла на ключе зажигания. Она помедлила, подумав, что ей могут предложить войти, но работающий двигатель станет отличным поводом сбежать. Кроме того, Хлоя уже знала, как она торопится попасть домой.

Все эти предосторожности оказались напрасными, потому что дверь открыл ее муж, Джо. И так не слишком элегантный, сейчас Джо напоминал смятую кровать, а мешки под глазами только усугубляли положение. Собственные проблемы Либби мгновенно исчезли, когда она сочувствующе посмотрела на его изможденное лицо.

– Привет, Джо.

Юстас увидел хозяина и прыгнул на него, вырывая поводок из ее рук.

– Тише, псина, ты разбудишь ребенка, – сказал Джо, хватая лающую собаку за ошейник. – Спасибо, Либби. Оказалось, что я сам мог забрать его – вернулся с работы раньше.

«И ты говоришь мне об этом только сейчас?» – подумала Либби, но улыбнулась:

– Никаких проблем.

«Кроме того, что я выяснила, что плохая девочка. А когда дело доходит до красивых испанцев, я становлюсь, что называется, легко доступной».

С одной стороны, хорошо знать свои слабости. Теперь она будет избегать всех мест, где можно услышать фламенко.

– Ветеринар сказал, что вы можете привезти его во вторник, чтобы снять швы, и надо давать ему вот это. – Она достала из кармана баночку с таблетками. – Два раза в день.

Джо убрал ее в карман.

– Да, спасибо, к сожалению, мы знаем все это. – Джо провел рукой по небритому подбородку и, казалось, удивился, обнаружив там щетину. – Чтобы больше такого не было, или придется отвести тебя в собачью школу.

Либби через силу улыбнулась в ответ. Бедный Джо, дизайнерская щетина совершенно не шла ему. Разумеется, существуют мужчины, которые выглядят приятно с двухдневной щетиной.

– Как у вас дела? – спросила Либби.

– Как в сумеречной зоне, если честно. Думаю, из-за недостатка сна. Хлоя спит. Я знаю, что она была бы рада тебя увидеть, но ты позволишь мне не будить ее?

– Разумеется! Если честно, я сама устала. Я хочу поскорее добраться до дому и увидеться с мамой и папой...

– Да, конечно! – На лице Джо промелькнуло сочувствие. – Я слышал, Либби, мне так жаль. Если я что-нибудь...

Он замолчал, посмотрев назад через плечо, и застонал, когда раздался детский плач. Не обращая внимания на беспокойство Либби, он пожал плечами:

– Прости, нужно идти, пока Хлоя не проснулась. Она все время...

– Нет проблем, иди и передай привет Хлое...

– Ты настоящий друг.

Если бы Либби не сделала шаг назад, дверь вполне могла бы ударить ее по носу. Сжав зубы и не обращая внимания на резкую боль в лодыжке, она пошла к машине, снова и снова прокручивая в голове слова Джо.

«Я слышал, мне так жаль».

Что слышал? Из-за чего жаль?

Он поборола желание побежать назад к коттеджу, вломиться в дверь и потребовать от Джо объяснений. Хотя звуки лающей собаки и плачущего младенца означали, что Джо и так приходится несладко. И вообще, может, она неправильно его поняла.

Она покачала головой. Глубоко внутри она знала, что это не тот случай. Она все правильно поняла и не реагировала слишком остро – она знала, что что-то произошло!

И как она отреагировала на потенциальный семейный кризис? Остановилась по дороге домой, чтобы поцеловать незнакомца! И ее совсем не оправдывало то, что поцелуй не был запланирован. Из-за этого ей было еще труднее простить себе такое поведение.

Поборов желание вжать педаль газа в пол – она уже спровоцировала одну аварию сегодня, – Либби медленно ехала по деревне, на автомате отвечая людям, которые махали ей рукой. У нее паранойя или они сочувствовали ей? Здесь было мало жителей, и не было никаких секретов. Возможно, в радиусе двадцати миль она единственная ничего не знала. Либби постаралась держать свое бурное воображение под контролем.

И ей ничего не удалось. К тому времени, как она притормозила, чтобы справиться с резким поворотом за милю до деревни, ее фантазия разыгралась настолько, что Либби было физически плохо.

«Господи, пожалуйста, пусть все будет хорошо!»

Оставалось всего двести ярдов до дороги к Кленовому Дому. Люди, не знавшие местность, обычно пропускали поворот и проезжали мимо. Неудивительно: когда-то здесь был впечатляющий въезд, но, как и у дома, к которому он вел, его лучшие дни остались в прошлом. Один каменный грифон упал со своего поста наверху стойки ворот. Одна половина ворот, на которой когда-то красовалось имя ее семьи, теперь была прислонена к стене. Никто из обитателей дома не мог прикрепить ворота на место, поэтому они стояли в стороне, покрытые мхом и паутиной.

Либби не заметила следов упадка, которые бросились бы в глаза постороннему человеку. На ее бледном лице застыла маска страха, когда она проезжала по ухабистой дороге, с

двух сторон окруженной деревьями.

Вид большой машины, на которую ее брат и его жена обменяли свой спортивный автомобиль после рождения близнецов, тоже не придал ей оптимизма.

Это был плохой знак. Либби радовалась, что ее брат здесь, но она понимала, что, учитывая срок беременности его жены и ее проблемы с давлением, он не оставил бы ее одну с близнецами, если бы не случилось что-то действительно срочное.

Обычно, когда Либби возвращалась домой из поездки, вид каменного фасада всегда внушал ей чувство уверенности и спокойствие. Не важно, какие у нее возникали проблемы, старые каменные стены давали ощущение поддержки и защищенности. Но когда сейчас она вышла из машины, этого не было.

Тишина, прерываемая только пением птиц, была плохим знаком. Семья Маршант всегда встречала ее очень шумно, и обычно они толпились вокруг нее, не давая ей даже выйти из машины, словно она была в отъезде несколько лет, и все говорили одновременно и старались ее обнять.

Где же они?

Беспокойство провело холодным костлявым пальцем по ее позвоночнику, когда она поднималась по каменным ступеням к большой парадной двери. Либби все еще надеялась, что сейчас она откроется и вся ее семья выйдет наружу.

Этого не произошло. Она трясущейся рукой вытащила ключ из сумочки и открыла дверь. Тишину нарушали только

старые дедушкины часы, отмеряющие ускользящее время.

– Мам! Папа! Эд... – позвала она, поднимая пачку писем, в основном рекламных, и закрыла дверь ногой.

Из гостиной вышла ее невестка, симпатичная беременная брюнетка, и даже ее всегда сияющее лицо было хмурым.

– Мэг?

Либби удивленно моргнула. Длительное путешествие с двухлетними близнецами явно не входило в план отдыха, прописанного ей врачами.

– Что ты здесь делаешь?

– Либби, господи, я так рада тебя видеть! Это ужасно, я не знаю, что делать, а Эд такой... – Мэг замолчала, мотая головой и закусив губу.

Либби положила руку ей на плечо. Пока реальность оказывалась более страшной, чем она себе представляла.

– Что случилось, Мэг?

Удивительно, но ее голос звучал твердо и спокойно.

– Всё... – протянула она.

И это говорила женщина, которая однажды дала жесткий отпор грабителю. Либби глубоко вдохнула и распрямила плечи. Она начинала понимать, что реальность может оказаться именно такой плохой, как она себе и представляла.

Узелок страха в животе Либби еще сильнее затянулся, когда она прошла, хромя, мимо невестки в гостиную.

Никто не говорил, когда она вошла. И холод, которым обдало девушку, не имел никакого отношения к тому, что ка-

мин в комнате не горел.

Уныние, висевшее в комнате, было настолько тяжелым, что оно словно поглощало весь свет. Несмотря на это, первой реакцией Либби было облегчение: все были живы!

– Слава богу! – выдохнула она.

Старший брат недоверчиво посмотрел на нее, отец поднял на нее невидящий взгляд, а мама просто продолжила отрезать кончики стеблей у роз, которые она ставила на письменный стол. Обычность ее действий добавляла нереальности во всю сцену. Либби не была уверена, заметила ли она ее вообще.

– Кто-нибудь расскажет мне, что произошло?

Ее отец медленно поднялся. Возможно, у него и не было сердечного приступа, но он выглядел так, словно приступ может случиться в любой момент.

Глядя на него, Либби подумала: «Он стар, папа стар». Эта мысль шокировала ее. Раньше она никогда так не думала об отце, даже после его сердечного приступа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.